

Счастливые и грозные

КУЗНЕЦКИЕ ДНИ

муж. Торопливые, последние обятия.

В КУЗНЕЦКЕ произошло окончательное падение «чиновника во корчменской части». Но до этого еще были бурные и жалостные периоды раскаяния, одиночества, недоброжелательного любопытства чиновничего «света». Только Паша Исаев, озорник-подросток, «безотвращающий», вызывает сочувствие соседей. Мать же гнетет «благородная» бедность, которую нужно скрывать, как дурию болезнь. Писать в Семипалатинск и некогда, и не о чем. И стыдно. Как будто навязываешь себя со своими бедами. И только изредка, когда уж немогомогу, в ответ на мольбы Достоевского — короткие записки. И вот уж мчатся в Змеиногорск на назначеннную встречу с Исаевой Достоевский и верный его друг А. Е. Врангель.

Но, как вазло, все время что-нибудь случается. То с мужем, то с сыном, встречаются, и неизвестных усилий стоит найти оказию и переслать срочно записку, что встречи не будет: с мужем страшный приступ и смерть.

Из Кузнецка в Семипалатинск отправлено письмо. Исаева свободна. Исаева бедствует. Исаевой не на что похоронить мужа. Кто-то из сердобольных кузнецян посыпает ей три рубля. И она эти три рубля берет: «Нужда руку толкала принять, и приняла подаяние!»

Она еще не знает, что не просто взяла милостыню, а вписала одну из впечатляющих страниц в будущий роман «Преступление и наказание», где точно так и точно в тех же обстоятельствах поступит замученная жизнью Катерина Ивановна Мармеладова. И не знает, что, может, как раз для соруживания надгробной плиты чиновнику Исаеву были заиманы Достоевским у Врангеля пятьдесят рублей: «Я вам отдам непременно, но не скоро». (Эта плита вместе со многими другими пошла на переплавку, когда на месте старого кладбища возник в Новокузнецке сад алюминищиков).

НАХОДИТСЯ в Кузнецке «добрый человек», учитель рисования Николай Борисович Вергунов, двадцати четырех лет от роду (Мария Дмитриевна Синтикина, которую он называет «матерью», не всякий день обещает, а туда же, благотворительству! Вырисовывает образ, вполне соответствующий темноглазому горожанному лицу с кузнецкой фотографии).

На последнем рубеже жизни А. И. Исаева удается перевести в Кузнецк коллекции по корчменской теме. Отезд. Приводы вкладной открытой тетки, в которой мертвым

Достоевский примчал в Кузнецк. Рискнул. Имел дела по службе в Барнауле, а уж оттуда... Состоялась встреча, все более затягивающаяся узел. Кто такой Вергунов? Достоевский устанавливает с ним отношения, и Вергунов поплышен, что этот, кажется, в прошлом сочинитель, чуть ли не предлагал ему дружбу.

Исаева уже не спешит замуж. Жизнь, со всех сторон давившая и ставившая в безвыходное положение, чуть-чуть отпустила свои тиски. Кузнецк как будто немного пригрел ее. Кузнецчане более мягки и правом. Это только почакнула, пока еще человек не прижался, и нему относятся настороженно. У Марии Дмитриевны появились близкие друзья — семья окружного исправника, Иван Миронович и Анна Николаевна Катаевы, и теперь ей уже не так одиноко. Уже не говорят о браке и Достоевском. Напротив, совершенно «по-достоевски» он хлопочет о предоставлении учителю Вергунову более выгодного места, хотя Вергунов считает «неумным и самовлюбленным», к тому же весьма плохо обеспеченным. Нет, Достоевский не разлюбил Исаеву, и в ее чувства к Вергунову он тоже не верит, но он не может сейчас жениться на Исаевой — нет ни денег, ни производства в офицеры, без чего он слишком бесправен. И поэтому он хлопочет о сопернике, чтобы хотя бы через него счастья от нищеты любимую женщину. («Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были...»)

Предельная ситуация, когда всем уже не до приличий, потому что речь идет о спасении человека, а что по сравнению с этим условности? Вполне логично и как покоже на «страницу из Достоевского»!

Но как бы там ни было, 6 февраля 1857 года составлен, наконец, «Обыск брачный» за номером 17. Есть в нем наряду со многими пунктами биографии и гражданского состояния брачующихся обстоятельство, обозначенное в пункте № 4. «Родства между ними духовного или плотского подства и свойства, возбраиняющего по установлениям св. церкви брак, никакого нет». Вот именно. Духовного родства нет. Скажете: это после двухлетнего тяготения друг к другу и железной настойчивости Федора Михайловича в достижении этого дня. («Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае!»)

Но какое же духовное родство и у кого оно могло быть с такой необыкновенной личностью, как Достоевский?

Но он был любими как ху-

рактеры. Известно, что у него был бурный роман с Аполлонией Сусловой, женщиной «инфериальной» в представлении современных ей обычавателей, которую мольва сделала прототипом чуть ли не всех геронин Достоевского, от Настасьи Филипповны («Идиот») и Дуни Раскольниковой до Катерины Ивановны («Преступление и наказание») и Грушевки («Братья Карамазовы»). Он был влюблён в Аину Васильевну Корвин-Круковскую (последствии Жаклар), одну из будущих геронин Парижской Коммуны, и она отказалась ему. Почему? Очевидно, именно потому, что быть родственным по духу с Достоевским значило как раз поступиться именем, что такое родство составляло — собственными интересами, увлечениями, одаренностью, «расторвиться» в сокрушительном его таланте, в ослепляющей его личности, которая под обманчивой простотой была похожа на коварную воронку, втягивающую в себя любого, кто только с ней соприкасался, стать постоянным объектом «глубинного» исследования величайшего психолога своего времени.

И Аполлония Суслова, и Аина Корвин-Круковская не согласились на брак с Достоевским: им было чем жертвовать. К тому же они были «шестидесятницы», напрочь лишенные практицизма. Они не соразмеряли жертву с «выигрышем», то есть с «приобретением» Достоевского.

Согласилась на брак мгновенно и без сомнения двадцатилетняя Анна Григорьевна Синтикина, которую сорокачетырехлетний Достоевский называет «помощницей и утешительницей» и считает «человеком нужным и необходимым», а современники — без особого добра — «конторой по изданию сочинений Достоевского». Анна Григорьевна увозит Достоевского на четыре года за границу, чтобы единим махом разорвать пуповину, связывающую его с «русностью» прошлого, посчитав, что тем самым напрочь перечеркивает и память об Исаевой.

А Достоевский между тем сетует, что «талант его живет вне России» и что он забывает, «какие бывают русские в России».

ЕСЛИ бы в зале Новокузнецкого краеведческого музея удалось собрать тех, кто знал Исаеву, любопытный получился бы у них диалог!

Принципиальные львицы: «Решительно не может быть, как все, возомнила из себя учченую женщину!»

Путешественник и дипломат Александр Егорович Врангель: «Она была начитанна, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатляющая».

Славный сын России, Петр Петрович Семёнов, будущий Тянь-Шанский: «Она

ной и интеллигентной из дам семипалатинского общества».

Гордость России, Федор Михайлович Достоевский: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, и я любил ее тоже без мер, но мы не жили с ней счастливо» (из письма к А. Е. Врангелю вскоре после смерти Исаевой).

«Была женщина душой самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу!» (в беседе с девушкой — «семидесятницей» через много лет после смерти Исаевой) и «Была

этот женщина душой самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу!» (в беседе с девушкой — «семидесятницей» через много лет после смерти Исаевой).

Женщина драматический судьбы Мария Дмитриевна Исаева: «Я не только любила и баловала своим умом, добрым, любящим в меня мужем, даже уважаема его родителями, письма их так мудры и превелики, что, право, остальное для меня трактирово» (в письме к сестре В. Д. Константу вскоре после венчания).

Впрочем, эти строки Марии Дмитриевны в предлагаемый диалог не входят.

Они написаны еще в «кузнецкий праздник», когда Анна Николаевна Катаева, близкая приятельница Исаевой, устраивает чаепитие не за свой счет, а за счет всей Кузнецк, перед Достоевским открыла кузнецкое общество и — привычный танец! — вскружил головы кузнецким дамам.

Наконец на конец длинный звонкий звон подолгу гудел с Марии Дмитриевной Достоевской по городским улицам и говорил, говорил — напоминаясь не мог.

БУДЕТЕ в Новокузнецке, известите Достоевских в краеведческом музее, где никогда остановилось мгновение «кузнецкого праздника». Тем более, что у этой так ненадолго (всего на пять лет) связанный четырьмя ногами в Новокузнецке живого дома. Тот, что имеется в «Доме Достоевского», в котором находится библиотека — это ведь не совсем тот дом. Но он сохранил кусочек того короткого счастья, что привнеслось под его крышей в кузнецкие дни великого писателя. Тем не менее посетите его. Он, мне кажется, один из важнейших памятников Кузбасса по своей причастности не столь к мимолетному пребыванию здесь Достоевского, сколь к тому, может быть, самому яркому и важному событию его сибирской жизни — «грозному чувству» в Исаевой. Будете читать Достоевского, поищите — вы найдете ли в любом его романе след не «демонической» Аполлонии Сусловой и не «кругкой» Аины Григорьевны, а отзвук счастливых и грозных кузнецких дней. (Так называли этот период друзья и современники Достоевского). И если найдете, значит, сокровище Исаевой — писательницы и Достоевского — писателя был не случайным.

М. КУШНИКОВА